

Людмила Сурова

..так
горяча..

Москва
Академия поэзии
2005

УДК 84(2Рос=Рус)5-6

ББК 881.161.11

С90

Сулова Л.В. ...Так горяча... Балаганчик. Новые стихи –
С90 М.: Академия поэзии, издательство «Московский
писатель», 2005 – 104 с.

«...Так горяча...» – третья литературно-поэтическая книга Л. Суловой. Она написана быстро, за одну зиму. Есть в ней новые для автора звуки и формы. Поэма о любви вдруг приняла вид площадного балаганчика, где встретились герои разных эпох и народов. И говорят они на разных языках, как мы, и не слышат друг друга. «Уличные песни» – второй раздел – также подслушаны на разных перекрестках жизни. Проза поэта – дневник времени.

А вся книга – для тех, кто живет вперед.

Людмила Сулова – выпускница МГУ им. Ломоносова, член Союза писателей России, бакалавр богословия, руководитель Творческого объединения «Чистые пруды». Автор книг «Поэма бегуна» (2000), «Прогресс по воде» (2002), «Православная школа сегодня» (1996), «Церковный год» (2000), «Искание высот» (2004), «Мироведение» (2004), «Азбука-игра» (2004) и др.

ISBN 5-7071-0325-2

© Л. В. Сулова, 2005

© Академия поэзии, 2005

© В. Брызгалова, оформление, верстка

ОТ АВТОРА

Друзья мои! А к кому еще, как не к друзьям, может быть обращена книга стихов?! Друзья, с новым годом! Новая книга – новый год. Потом, может быть, скажем – эпоха, а сейчас живешь ее и только успеваешь поворачивать голову: там зовут, там, там... Всё зовет, и как это люди не слышат, как жизнь кричит?..

ОТ РЕДАКТОРА

Было это в начале января, среди ночи. Набираю номер Людмилы Васильевны – поздравить с 2005-м. И слышу: «Как вы кстати! Нужно ваше ухо...»

И вот уже поток стихов льется, льется в мое кстати под-вернувшееся ухо, и вот уже второй раз я выступаю в роли «домашнего» редактора поэта Суровой – помогаю «услышать» книгу, ее «нескучное единство».

Это единство «языкового безумия». Оно возникло из бесконечного разнообразия ритмов, звуков... вестей. Говорят, ангелы существа многоочитые; в этой книге Сурова – существо многослышашее и сверхслышашее. Гармония здесь многообразна, естественна и щедра на новые, порой тихоокеанские формы. Читателю будет просторно.

ПРЕСТУПНАЯ ЛЮБОВЬ,

или

Грустная повесть о Тристане и Изольде

*Балаганчик, площадной театр,
может быть, кукольный*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тристан
Изольда
Скоморох-комедиант
Пьеро
книги
Древо

*Все выходят справа, уходят влево, как крутится
карусель. У всех монологи, никто никого не слышит.*

Пьеро

(выходит с томиком Легенды о Тристане и Изольде)

Один – странник,
Другой – столпник.
Один бдящий,
Другой спящий,
Бредящий наяву,
Сивилла слепая
с ветвью оливковой.

От той ли оливы,
Огненными слезами
прожженной однажды
И умирающей тысячи лет,
Но каждой весной –
Почти против воли своей –
В небо росток дающей
опять и опять.

*(Кладет книгу на столик, берет планшет, банку с кистью
и рисует саженец, приговаривая вторую строфу:*

*«От той ли оливы,
Огненными слезами ...»*

затем ставит планшет посередине, банку с кистью рядом.)

Скоморох-комедиант

(подходит, смотрит на Древо; в зал)

ИЗ РАЗГОВОРА ГЛУХОГО СО СПЯЩИМ!

(к Пьеро)

Ах, боже мой, вы так помолодели!

Пьеро

(отвечает никому)

Стихи, мой друг, – зараза из зараз!

Скоморох

Глаза горят, как раньше не горели!

(Берет кисть из банки.)

Пьеро

Увижу ли тебя еще хоть раз?

Скоморох

Секрет откройте молодости вашей!

(Рисует ветку.)

Пьеро

Страдай и ты, и будешь – солнца краше!

Изольда

Не предавай любовь!
Господь ее, ее поставил кормчим!
...Подкидышем, воришкой чумовым,
Забравшимся в господские палаты
И потерявшим выход.

Она, она – последний остров на пути
Великого оледененья сердца.

В пустыне жизни
Она, она кричит подранком
На языке, не схожем ни с одним
из наших.

О чем? Зачем? Поди пойми...

...Душа-зима тесовые ворота
Не хочет отворять
неведомо кому.

Скоморох

(приплясывает вокруг Древа)

Полюбилась хулигану
Красная девица.
Два нагана из кармана –
Дай воды напиться!

Аль не веришь, что люблю я,
Что с утра тоскую?
Али смотрит твое сердце
В сторону другую?

Отвечает дева смело:
«Мил ты мне, лихуда!
Да воды зачерпнуть нечем,
Взять ее откуда?»

Я из уст твоих напьюся,
Дай прильну к груди,
Видишь, Бог меня поставил
На твоём пути.

У святого у колодца
Встретились оне.
Не видать уж той девицы,
Спит она на дне.

Пьеро

(открывает «Легенду о Тристане и Изольде»)

Тристан должен был привезти невесту своему королю, но любовь разрушила эти планы. Изольда, которая спасла Тристана от смерти и с первого взгляда тайно полюбила, – теперь принадлежит ему.

Тристан

Тристан, нарушивший обет,
Предавший короля,
Глядит на свет, а света... нет
За бортом корабля.

Куда теперь нести волне
Предателей чету?
Спаялись души как в огне,
Слились тела в двойной вине...
Кто ж чашу дал не ту?!

Иль ту? Ту самую, какую
Мы ищем, требуем, взыскуем,
Да сможем ли снести среди
Битв, предстоящих впереди?

И честь, и имя, и судьбу
Огню ль сердечному доверим?
Ужель во гроб откроет двери?..

Изольда

В одном бы лишь лежать гробу!

Скоморох

(Тристану)

Хочешь быть хорошим?

В этом вся беда!

Волосы взъерошим,

В каше борода.

Цепи не по чину,

А кольцо воткнем –

Чтоб Отцу и Сыну

Жечь огонь Огнем.

Изольда

Меня вложил в твои объятия
Не Тот ли, Кто тебя хранит?
Кто вывел из земли *заклятья**
И сердце претворил в магнит.

Кто путь прощальный сделал встречей,
Слив воспаленные уста,
Чтоб речи наши, жизни-речи
Не поглотила пустота.

---

* Тристан был ранен отравленной, закнутой стрелой и должен был умереть, остаться в земле закнутия.

Тристан

Хорошо цепочке течь
                                по твоей ключице!
Словно шелковая речь
                                с колесницы
Царской льется –
                                льнет, сияет и дышит...
Никого она не пустит,
                                и не слышит.

Изольда

Что в этой тяге тела к телу?!
Разверзнуть храм, достичь, достичь души –
Царицы-узницы, осиротелой
В гробнице жизни, в лавочной глуши?

Как будто вывести ее удастся крику
Из недр, расплавленных любовью и тобой,
Чтоб небосвода океан великий,
Став воспреемником, воспрял ее судьбой.

Изольда

«Ты себя таким не видел», –
Шепчет дева Кудеяру;
Льнет к Самсону смерть-Далила:
«Ты себя таким не видел...»

Кудри черные стекают
С успокоенного ложа,
Сбиты градом поцелуев
Все обеты и года.

Спит Давид в объятьях Виры –
Молодой, не царь, не воин...
Соломон ребенком дышит
На груди возлюбленной.

«Ты себя таким не видел», –
Ночь звезду пошлет к окошку
Врезать этот новый профиль
В изголовье бытия...

Ты себя таким не видел –
Отчей милости затишье
Брезжит радугой нетварной,
Мир животворя.

...Кудеяр проснется – в слезы.
В смерть Самсон шагнет отважно,
В славу претворит виденья
Царь Давид, прильнув к струне.

Соломон богатства ночи
В слово обернуть захочет –
На Экклезиаста списке
Пишет Песню Песней.

Изольда

(ища глазами Тристана)

Песни твои поселились во мне и свили гнездо.
И голос теперь у меня совсем не мой.

Скоморох

Рады друзья – ведь это же здорово: все думают, ты говоришь, а ты – немой!

Пьеро

(с томиком Лермонтова, читает)

«Мне любить до могилы творцом суждено!
Но по воле того же Творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно
Иль, как я же, страдать до конца».

Тристан (удивленно)

Ему всего семнадцать лет,
А знает он ухватки рока,
С которым бьется человек
До установленного срока.

Дитя закланное, нести
Тебе зачем такое знание?
Неужто, чтоб мое страданье
Имело спутника в пути?!

Тристан

(над спящей Изольдой в шалаше)

Любимая, судьбы бойца
ты не разделишь.
Ни войнам, ни вражде конца
не будет – не поверишь!
Вступив на ратный путь юнцом,
Я битв желал, как ты восхода.
В них умирал и оживал
Для них... Иного хода
Мой рок не ведал!
А теперь
С тобой, бесценной чудной ношей,
В берлоге прячусь, словно зверь,
Боюсь луча, звезды, пороши!..
Любимая! не даром мать
Меня Тристаном окрестила.
Тебе со мной не жизнь – могила!

Изольда

(просыпается)

Мне и в могиле сладко спать.

Скоморох-комедиант

(выходит с лопатой, пробует копать возле Древа)

Не люби меня, красотка,
Я – поганый вор.
Из такой вот нитки соткан
Жизни всей ковер!

Ты иди своей дорогой,
Не гляди вослед,
Даром, что ль, царицей строгой
Жила столько лет!

Отпусти на покаянье!
Слезы – не напасть!
Бес вложил в меня желанье
Ночь твою украсть.

С этой ношей не под силу
Мне теперь брести.
Отпусти, не то в могилу
Снидешь... Отпусти!

Пьеро

(с томиком Мандельштама, читает)

Я сохранил дистанцию мою
О. Мандельштам

Как сохранить свою совесть свободной?
Массовый бег к алтарю!
Точно ли знаем, что Богу угодна
Смерть у весны на краю?

Наша дистанция что эстафета,
Сколько очков ты набрал?..
Сердце бежит бухгалтерии этой –
Разве архангел соврал?!

Радуйся, душенька злая и добрая!
В байке, в смешке и в плевке –
Жизнь положил Бог смиренною коброй
У ног твоих, на песке.

Тристан

(отвозит Изольду в замок короля.

Она спокойна: будет жить затворницей. Прощание)

Прощай, радость-свет-душа...
Будь всегда так хороша!
Не скажу – люби кого.
Камень красный у него,
Кровью светлую омыт.
Коль пришлю, так знай, что спит
Сном предсмертным твой Тристан,
На прощанье день лишь дан.
Придешь ли? Не обещайся!

Изольда

(радостно)

С белым парусом встречайся!
И не верь ничьим словам!
Вот кольцо на камень вам.
(Дает Тристану свое кольцо.)

Скоморох

Эх, пробиться б к человеку,
Одолеть бы плоть!
Как опущенную деку,
Поднял бы Господь!
Чтоб в аккордах не фальшивить,
Пальцы бы не рвать.
Чтобы пела в теле, в вые
Только благодать.

Ту заблудшую овечку,
Знаешь, унесло
За порожистую речку,
В мертвое село.
Надо ж было утопиться
в нашем нужнике!
Перед Пасхой все – молиться!
Кто пойдет к реке?!

На посылках быть у Бога –
Хлопотная честь.
Не отмыться, смотрят строго,
Ты откуда есть?
Всё по сердцу, не по чину,
Больно уж лихой!
Обнаружили причину
Всей своей сохой.

Ах, овечка, ты недаром
Выпала в меня.
Окую гитарным жаром,
Полюблю полдня.
Лихомань свою утешу
И уйду в снега.
Грешен! Грешен! Грешен! Грешен!
Жди меня века!

Изольда

(у окна замка)

Оттепель пролегла дорогою желтой
по снегам двора.

Этой дорогою этой ушел ты
вчера.

Вернуться в нерукотворное русло судьбы,
Где горбы полюбились свои,
горбы, да гробы.

Или душа прилежит этой тяге унылой?
Или уже не восстать ей
ни милостью Божьей, ни силой?
Или руки не протягивал Еве во ад?

Или не плачет о нас Рай-вертоград?

Пьеро

*(с лейкой; припадает у Древа ухом к земле, слушает;
в зал)*

Корень не виден.
О нем знает только земля
Да садовник-сморчок,
Поливающий, вечно рыхлящий, собирающий
Жухлую эту листву – чтобы корню дышать.
(Поливает и рисует ветви.)

Древо сейчас зеленеет,
Сейчас облетело
И глазу уже не отраднo.
Будет и зелено вновь,
Лишь бы корень живым оставался.
(Опять припадает ухом к земле.)

Лишь бы было ему
Куда потянуться в свободе,
Раздвигая пласты вековые спекшейся воли-земли,
Ласку труда ожидающей,
Как новобрачную встречу.

Двигается корень,
Двигается в недрах таинных.
Навстречь ему авраамово время идет крестовое,
Свиток его не на небе рублевском ищи.

Изольда

(в замке, за рукоделием)

Жизнь может быть длинной,
как ниточка
от клубка Луны,
Чтобы пришли, наконец, к Богу с повинной.
А если не знаем вины?..
Чтобы небу –
было чем плакать,
А огню – чем жечь!
Ожидание – это когда слякоть
и слякоть,
Дождь, снег, зной
и опять слякоть
И подушка горяча, как печь.

Тристан

(в других землях. В новых битвах он получил тяжелые раны. За ним ухаживает его жена, которую также зовут Изольда. Он смотрит на нее, но видит свою любимую)

Женщина в жизни бывает только одна,
Все остальные – ее тени.
Изольда, вынувшая Тристана со дна
Болезни, моет ступени.
Изольда идет за водой, она
Спускается быстро к ручью,
Склонилась, черпнула... Твоя спина!
Не спутаешь с ней ничью!
Твоя единственная рука!
Волоса лучик твой!
С любимыми не расставайтесь, пока
Звездный медлит конвой!
С волчьей волей воткни копье –
Не втянуло в стремнину чтоб!
Монтажным ремнем пристегни ее
И перекрести лоб.
Поток перейти с ладошкой твоей,
Горящей в моей горсти,
Еще бы хоть раз!
С единственными
Не расставайтесь в пути!

Изольда

Светает и в моем краю, и в вашем,
Но с опозданием в два часа.
Почтовый луч, тобой наважен,
Летит сквозь жизнь и небеса.

Льнет к изголовью, лижет щеки...
О верноподданный воздух!
Коснулся губ, застыл в бесплотном шоке,
Вдруг с именем твоим столкнулся... и потух.

Пьеро

(выходит с житием Петра и Февронии; в зал)

Излечив князя Петра, Феврония берет с него обещание жениться на ней, князь медлит, опять заболевает, она его вновь исцеляет, и он берет ее в жены. Когда же жизнь подходит к концу и князь говорит, что умирает, Феврония просит его подождать – надо дела закончить, а потом уж и отходить вместе.

Изольда

(смеется)

Хорошо Февронье этой!
Цап-царап Петра!
Вылечила, что ж обетом
Вяжешь! Иль хитра?
И свое спешишь устроить
Бренное житье?!
Да не любит – только вторит!
Не поет – вытье,
Окованное законом!..
Воздуху глотнуть
Дай душе и в мире оном!
К Богу – дай шагнуть!

Тристан

(предчувствует кончину)

Честь воина не запятнал,
Но подданного честь!..
Честь друга, рыцаря...
  Не счесть

Моих бесчестий...

  Десть!

И то прекрасное дитя
Ты, Бог, заставил взять!
Честнейшее! –
  К Тебе идя,

Скажу.

                                Ни дать ни взять,

Я по Твоим ходил углям –
  иных путей не дал!

Твоим жнецам,

  Твоим полям

Плевелом ли стал?..

Но... парус чую на волне!
Изольда движется ко мне!

Пьеро

(со словарем, читает)

Десть – мера писчей бумаги.

Русская десть – 24 листа.

Скоморох

(вбегает с важной вестью)

Жена Тристана говорит ему, что корабль
к ним идет под черным парусом!

Пьеро

Злодейство не достойно слова.
Что говорить о женской мести!
Изольда новая готова
Изольду хоть убить, хоть съесть!
Лишь бы не видеть встречу тех,
Кто не предал свой смертный грех!
Не белый – черный свет, Тристан!
Не белый парус морю дан!

Тристан

Дух отлетает,
Когда нечего ждать.
Тело ли тает?

Тает ли благодать?

Рухнул Тристан у окна,
Положили на стол.
Красного камня подушка видна,
Печалию изошел...
Если и надобен праведный суд,
Боже – не тут!

Пьеро

(выходит с Евангелием)

Изольда обнимает тело Тристана и умирает.

«Бог есть... *(бесшумно шевелит губами)* л...»

Изольда

(обнимая любимого)

Господи, если здесь она так горяча,
Что сердце готова расплавить, сердца камень,
То там у Тебя какова же любви свеча,
Океана ли полымя нежное под руками?..

Ты и Сам ведь ведешь от нее Свои жизнь-словеса,
Раю печатного вырезал доску под пряник.
Весел Адаме теперь у судьбы колеса,
Птицы, и звери, и весь наш спасен конопляник.

Скоморох

(тащит второй планшет, рисует на нем новое Древо)

Господи, если здесь она так горяча,
Что сердце готова расплавить, сердца камень,
То там у Тебя какова же любви свеча?

Пьеро

(рисует первое Древо)

Океана ли полымя нежное под руками?..

Скоморох

(рисует)

Ты и Сам ведь ведешь от нее Свои жизнь-словеса,
Раю печатного вырезал доску под пряник.
Весел Адаме теперь у судьбы колеса,

Пьеро

(бумажной гирляндой соединяет два Древа)

Птицы, и звери, и весь наш спасен конопляник.

Тристан

(с букетом бумажных цветов)

Господи, если здесь она так горяча,
Что сердце готова расплавить, сердца камень,
То там у Тебя какова же любви свеча?

Изольда

(прикрепляет цветы к Древу)

Океана ли полымя нежное под руками?..

Пьеро

(помогает ей прикрепить цветы)

Ты и Сам ведь ведешь от нее Свои жизнь-словеса,

Тристан

(достаёт из короба бумажных птиц)

Раю печатного вырезал доску под пряник.

Скоморох

(сажает птиц на Древо)

Весел Адаме теперь у судьбы колеса,

Пьеро

Птицы, и звери, и весь наш спасен конопляник.

ЧЕЧОРА

УЛИЧНЫЕ ПЕСНИ

□□□

К высоточкам моим, к петровским шпилям,
Лети, немецкий воронок,
Испытанный на русских горках!

Не вытравить Петра из памяти Руси,
На Яузских холмах Лефортовские скобы
Обрамили пруды,
Века дивиться чтобы
Нам ладностью немецкой слободы.

Вздыхать да охать – вот оно житье!
Не то что наше, через пень колода...
Кого б позвать на княженье еще?
Кому в огне, как нам, не надо брода?!

Июль 2004 – 10 янв. 2005

□□□

Если комете вздумается пройти
по улице нашей,
Что ей встретится на пути?
Придется хлебнуть из чаши
Унижений, теснот, потолков блиндажных высот,
Шоферни, матерщины, убогих калек, сирот,
Лавочных ветеранов, гитарных юнг,
Бесполого бомжика, всовывающегося в люк
Водосточный: теплее там, чем здесь...
Поцелуй, комета, оставь свою прежнюю спесь!
Хвостом не жги, а мети, как казах, тротуар,
В рыжей робе тебе не страшен пиар.
И когда в ночи постучат тебе по трубе –
Не пой, мол, песен своих, не мешай судьбе
Народной играть в телешуры и видеомуры, –
Знай, комета, уже вонзаются шпоры
В бока четырех союзников крылоногих
И архангельский глас долетает уже до многих!

22 дек. 2004

□□□

...младенцев о камень...

Пс. 136

Позвольте скрыть мне всё...

А.Ахматова

Найдены в сумке перчатки,
Может, и ты найдешься?
Жизнь – она вся в беспорядке;
Думал, что не вернешься,
Думал пройти по тропке,
Прямыми сделать пути...
А тут эти детские трупики
С дудочками в горсти...
Мамка, спаси и помилуй!
Свет там, иль снег, или страх? –
Храмина адской силой
Привиделась нам в горах!
...Лишь бы не взять чужого,
Судьбы бы не подменить!
Кого-то полюбит и слово,
Чтобы себя схоронить.

6, 19 янв. 2005

□□□

От стаи родимой отбилась – и унесло
В открытое или закрытое море жизни.
Теперь ни к чему нам ни это правило,
ни это весло.

И на телефоне долго – прошу – не висни!
...А в окне всё другие люди, как острова,
Иногда и звоны летают, иногда слова.
Вот, например, наверху оказался поэт,
Он залил мне кухню и приходил в обед.
Пели, галдели, наверно, зайдет еще –
Блудной тоскою московской и он крещен...
...А под ногами у нас
не земля, говорят, а Чечора,
Речка такая была, да не дали ей простора,
Упекли комариную, топкую – да в трубу!
...А ты говоришь, тесно тебе на дубу...
Созывай сизарей, глухарей, да вертлявых синиц, –
Песни блажить, чернецов поминать, да цариц!

5 дек. 2004

□□□

Ф.

Храни Художество! Не отдавай в полон
Ни гидре пошлости житейской,
Ни церберу судейского свистка.

И, как именье с молотка,
Не продавай, ведь в два витка
Жизнь свита. Льется – не разлей –

Дорогою и песнею о ней,
Объятые и воспоминаньем-плачем...
Но знай: лишь им – ее переиначим!

Всю, бывшую тогда-то, там-то, так,
Забудь на треть, чтобы вогнать в... пустяк,
В звук невещественный, в листок,
Исписанный наискосок,

В набросок карандашный иль углем,
Где встанем, как здесь не смогли, вдвоем.
Вот ты какая, жизнь, смотри! Цвети на нем!

2002 – янв. 2005

□□□

Бедра и ноги – ее валюта,
Ими и движется, и живет.
Но, погляди-ка, склонила Анята
К Божьей иконе свой голый живот.
Эту гибчайшую сладкую силу
Как ей оправить в труд и песок?!
Смилуйся, Господи! Милости – миру,
Чем бы ни бредили, дай на часок!

6 янв. 2005

□□□

Лют я петь, запою –
и по-другому заживу.
*Старец, исполнитель
духовных стихов**

Обраим, друже, веру
По-русски – в чернозем,
Чтоб хитрости химеру
Топить всечасно в нем.

Ведь был на гидру брошен
Не первый молодец, –
Рожденный быть хорошим,
Не твой черед-венец.

А попугайка-дурень,
А забулдыжка-вор
Пусть идут в Верхотурье**
По сердцу иль на спор!

А там земля-могила,
Исторгшая гробы, –
Гляди! – сама вскормила
Их для иной судьбы.

Вития, вождь и ратник,
Молись на тех калик,
Что плачут в рваный ватник
О том, как Бог велик!

31 дек. 2004 – 19 янв. 2005

---

* С. В. Максимов. Избр. произв. М. 1987., т. 2, с. 470.

** Верхотурье всегда было местом ссылки и заключения, но именно туда пришел спасаться праведный Симеон Верхотурский. После смерти имя и могила святого забылись; тогда гроб его сам стал выходить из земли и явил нетленные мощи. Многие там обретают веру.

□□□

Вот сочельничек нагрязнул,
Снег искрится под ногой.
Угодить не трудно в яму
По дороге в мир другой.

Спишь, душа, зеваешь сладко.
Всё тебе: подай! прости!
Ну хотя бы для порядка
Прослезись и погрусти.

Всё ж была святого рода
У Родителя в саду.
И природа – вся природа –
Пела под твою дуду!

Где же ныне сила-слава?
Утешаешься вином,
А небесная держава
Вьюгой воеет за окном.

5 янв. 2005

□□□

Всё высохло. Степь
В свой мешок раскаленный поймала сады.
И город героев томится от суши, листву изожгло.

У Графской, где судьбы рвались,
Карнавальный парад:
Юнцы для дедов ракеты по целям пускают!

Попал! Промахнулся! Достал! – веселится народ.
Ура! Не забылося ратное дело! Воюем!
А к ночи цветы фейерверка займут небосвод...

Эскадру, уснувшую в море, помянем и сплюнем,
Чтоб нас миновала подобная грозная честь,
Чтоб всё ж докурить, долюбить нам, допить и доесть!

Авг. 2002 – март 2005

□□□

...а если было две жены?..

Одноног и прокурен
И боль матерком умирят –
Всё смешком, с коньячком,
Принесенном в палату родней.
Схоронить же к маме в могилу себя завещает,
Чтобы любе-жене не встретиться с горе-женой.

5 янв. 2005

□□□

Эпитимья́ размером в жизнь –
Тащи, терпи, молчи!
Хоттабыч, пионерский джинн,
Куда девал ключи

От рая нашего, от нас,
В раю играющих мячами?!
По пашне, где кровавый наст,
Бредем с камнями за плечами...

Молиться учимся едва,
Да словеса умы дурманят,
И в теле жало-тетива,
И тело тело ядом ранит!

Любовь, аукнись в нашем сне,
Ведь сердцу без тебя погибель!
Подай попутнице-весне
Твой чудо-луч и чудо-стебель.

22 – 23 апр. 2005

□□□

Идет безумец –
        сам себе любовь!
Девчонки на конях
        по городу гарцуют.
Весна подкрадывается.
        Глаза готовь,
Чтоб не проспять ее
        и не проклянчить все!

Привет, всетелефонный шумный дом!
В наемный флигель бытия земного
Царицей Савскою ты входишь снова,
Не мудрости ища –
        любви слово,
Чтоб плакать было чем,
        и горевать о чем.

2002 – 22 фев. 2005

□□□

Случилась у моря, простите за правду, с небом любовь.
И волною взрывной оказались подброшены в воздух,
И зависли, как зависает компьютер,
Не реагируя ни на какие запросы.

Что это? Или уже отменили закон тяготенья земного?
Или новейшие схемы новейших теперь технологий
жизни пойдут?

Что это дева в небе висит, словно реклама?
Что это травы морские летят, звенят вверх корнями?
Что это струи соленые спицами колют
живот отдыхающих честно?

Восстановить постового требуем срочно!
Кесарю Божье не треба! Игры долой!
По храмам по всем заказать отпеванье заочно –
И счет не забудьте отправить этим домой!

15 февр. 2005

□□□

Прилетали три райские птицы
В день моего рожденья.
Не синицы, не голубицы,
Но невиданного оперенья!

Им троим на вишне засохшей
Было радостно и едино,
У зимы ж, от снегов оглохшей,
Не нашлось гостям и рябины...

А им как будто не надо
Ничего из нашего сада,
Посидели и улетели
Троица-свиристели.

16 марта 2005

□□□

Врастаем в землю как деревья,
пускаем корни.
За камни держимся, –
За небо как держаться?
И верим – как не верить! – но хотели б
Свое не потерять, а приумножить.

Господь щадит –
и скарба чудо-горы
Растут, тесня, щемя, давя, страша,
По берегам уже затоптанной Чечоры...
Но как свое отдаст душа!

Не дурочка ж в кордебалетных перьях,
В папахе атаманской,
в красных клешах,
Что шла вчера сквозь строй благочестиво
молящихся о мире и удаче!

Кричит, простил ли долг?
Не врал, не крал ли?
Всех тычет пальцем –
а любил ли ближних?
Нет, ты сейчас скажи,
сейчас сознайся!...

Да вывести ее!
Зачем пустили
В собор такую ряженую фифу?!.
Прочь с глаз, шутиха! Нынче осень
У нас разучивает праздничный канон,
Народ ей вторит дружно и степенно;
Безмолвствовать кому охота?! –
Заедят.

Окт. 2004

□□□

Педагогика – это свекровь,
Всё ей чисти, да чисти!
Батрачь – а уж там любовь
По праву и чести.

А тот, который в спутники был снаряжен,
Всё норовил то в кусты, то – на рожон.

Поэзия вроде – женщина, а вроде – мужчина.
Пушкиным бита, Гоголем венчана –
дедовщина...

Вот ее и затюкали: цыц да цыц!
А сколько, бывало, с собой приносила синиц!

Галдеж, дребедень, а когда – и слеза, и гроза...
С одой вот туго, но слыхивали голоса.

Чином посольским пройдут по шелковым коврам:
Где тут у вас, государь, Исаак, где Авраам?..

Что за потешки любит твой грешный народ?! –
Белкам – орешки, а прочим охранникам – мед...

Ухарь-купец на Москве – торгуй, чем ни есть!
Людом, землею... да только тоски не заесть

И не запить... не забить, как сбежавшую тень!
Ты что ль, Ивашка, без тени? Иль оборотень?

5 янв. 2005

□□□

Разве вещь хозяин слова?
О. Мандельштам

Что случилось со словами?
В пляс они идут!
Машут чудо-рукавами,
Сгрудились в редут.
Вновь рассыпались горохом –
Поди собери!
Будто спьяну, ненароком
В строчку забрели.
Почему вас отвязали
От своих вещей?
Вы как будто на вокзале:
Чемоданчик – чай?
Говорите всё же прямо –
Кто, куда и что?
Справа яма, слева яма,
Ямов много – сто!
Как без слова, как без света
Ног нам не сломать?!
«Врать – опасная примета», –
Говорила мать.
Вот, поди ж ты, и сбылася
На моем веку...
Что там кажут, деда Вася,
Нам по телеку?
Шибануть бы с прежней силой –
Слово тоже плоть!
Что останется от мира,
Подберет Господь.

6 янв. 2005

□□□

Бушует сосед,
                                пиявочкой белой укушен.
Все возмущаются –
                                грохот стоит по ночам,
То заливаает водою,
                                то страсти послушен,
Стонет и плачет и бьет ее по очам.

Светушка-Зима
                                спрятала выходы-входы,
Ставит подножки –
                                невесел пенсионер.
Мальчик с гитарой,
                                с серебряной в ухе сережкой
Вытянулся на пороге,
                                а рядом – милиционер...

Народ ли? Срастемся ль в народ,
                                как в години лихие?
Когда татарву, немчуру,
                                и поляков, и галл –
Да кого «за можай» не гоняли
                                в леса во глухие!
...Выносят уже...
                                а вчера по ступенькам шагал...

□□□

Прежде, чем отвечать прохожему,
Посмотри, не сумасшедший ли
        перед тобой?
Ему, хоть и образу Божьему,
        а песен своих не пой!
На вавилонских твоих перекрестках, Москва,
Пленников, странников!..
        Бегаем, дышим в затылок...
С гнева ли вышнего высохла эта смокв́а?!
Перепилили горы... в горы опилок...

Смотрят глаза,
        ноги идут, головою качает,
Правая – против! левая – за!
        Кличет, встречает...
Пуганый ветром Емеля-Степан-
        карла Наполеон...
Был, вроде, пан,
        сказали «пропал!»,
Вот и вышел вон.

Окает, акает, цокает тьма
        с Данилова, да Твери...

Не различает детей зима:
Поди – и всех подбери!

31 янв. 2005

□□□

Папа светлеет.
Другой человек из него
Смотрит на нас
Временами.

Бременем быть
Тяжко ему; весна
Дел подвалила, а делать-то,
Делать – кому?

21 апр. 2005

□□□

...аттракцион «Земля»...

Н. Леонидова

Пока один молитвенник стоит
В своей подземной келье на молитве,
Крутится карусель, земля летит,
Любимый к любящему всё благоволит,
Дитя здорово и читать велит
О богатырской силе и о битве.

2004 – янв. 2005

ИЖЕ...

ЕЖЕ...

ЯЖЕ...

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

КРИТИКИ

Странички из дневника

Фетхие – город средиземноморской блажи. На набережной аккуратно сложены разноцветные сети, но рыбаков нет, нет следов труда. На базаре выложена сверкающая всеми оттенками металлика рыба. Ее поливают водой, уже ей не нужной. Мраморный кольцевой прилавок благоухает живой свежестью моря.

Рыба – дар моря человеку. Сухопутные жители не знают этого. Их отношение к рыбе такое же, как к любому другому продукту: его выбирают, готовят, едят... Когда же море преподносит вам эту сверкающую карусель острохвостых, тупорылых или, наоборот, узкомордых, как иглы, снарядов, – вы невольно ощущаете братскую щедрость этой первостихии.

Ее ли? Рыбы принесены в жертву. Может быть, душа их – есть же у рыб животная душа! – взята как часть Творцу, а тело, литое, совершенное, восхитительное по линиям и цвету, тело отдано любимцу, человеку: прими, друже, к радости!

Торговцы гортанно кричат, видимо, сообщая, какая рыба сейчас на прилавке, какую только что принесли, какую несут... Туристы глазуют, турки умело, с уважением к товару выбирают.

В тридцати метрах другой прилавок, тоже в виде мраморного круга, на нем тоже рыба, но вокруг никого и продавцы какие-то другие. Подойдешь, и тут же накрывает тебя знакомый по нашим рыбным дух тления, удушья – эта жертва не дошла до человека... Если б не вмешивался «второй господин», все были бы одарены и облагодатствованы.

Чалыш – серебряная скоба к северу от Фетхие. Со всех сторон горы, и только один пролив открыт к морю, онто и дает постоянные полуденные бризы, жизнь парусам. До одиннадцати море лежит хрустальным блю-

дом, слегка тронутое рябью. Входишь в густой влажный недвижимый водоем. Жив ли он? Прозрачные рыбешки не боясь подплывают к ногам, тычутся мордами, двинешься – разлетятся как брызги. Рыбы – брызги внутри стоящей воды...

Свет в Чалыше имеет особую материальную природу. На закате все дали занавешиваются золотом: вот одна гряда гор стала светящейся тенью, вот – другая. Прозрачные кулисы скрывают скованный хребтом горизонт, вы о нем и не догадываетесь. Когда солнце стоит над одним из островов, вы совершенно уверены, что вот сейчас оно будет картинно спускаться по его покатоному склону. Но совершенно неожиданно от светящегося целлулоидного диска у вас на глазах отрезают правый краешек, больше, больше... Это как-то трудно вынести, тревожно, больно видеть. Но вот солнце полностью «съедено», море безмятежно, видна виновница ваших волнений – размытая акварельная линия дальних гор, размыкающих бухту.

...Вода тепла, волна невысока, пахнет свежестью и чуть-чуть живой рыбой, но купальщиков нет. Отдыхающие дефилируют по бетонной набережной, тянущейся вдоль всего Чалыша. Море тут рядом стелется, а вы идете себе от ресторанчика к бару, от бара к кафе, от кафе к магазинчику, отвечая любезным кивкам – Hello! Нет, no, sorry, please... Shopping всех видов к нашим услугам!

Свет над горой-островом стал серо-розовым дымом. Очертания его стремительно меняются, дальние хребты на глазах теряют свои верхушки. С уходом света землю окутывают запахи.

*За то, чтоб страны поглядеть чужие,
Мы отдали свою.*

Путешествие в Патары с самого начала было авантюрой. Автобус довез до Киник. Здесь наверху, как и везде, – древний римский город: театр, ликийская гробница, христианская базилика с настоящим сохра-

нившимся мозаичным полом. К этим многочисленным редкостям местные настолько привыкли, что просто не замечают их. Оказывается, по-настоящему волнует не просто древность, а твоя древность, то есть та, которая тебе зачем-то понадобилась, востребовалась твоим сегодняшним бытием. Для турков античная и византийская история с их памятниками только бизнес. Впрочем, если античность еще хоть как-то принимают, Византию терпят с трудом.

Пока осматривала Xantos, автобус в Патары ушел, надо было ехать на перекладных: сначала на Кас, а потом куда-то пересаживаться. Но дорога есть дорога, она всегда – жизнь. И, помотав по красным горам, поросшим изумрудной сосной, показав мельком бедные настоящие трудовые дома, палисадники, коров, кур, овец, оливки, хлопок, снопы чего-то на плоских крышах и бесконечные теплицы, одни с безвкусными, как мы уже знали, помидорами и огурцами, другие – пустые, ждущие своей очереди, – дорога уперлась в указатель «Patara – 2, Gelgenis – 4».

Кто-то быстро подбросил до цели, и вот он – город, освященный рождением великого святого: ковры на перилах, лестницы, вывески, зелень, камень, черепица... Никто, ни один из двадцати спрошенных, не мог ответить, где был дом святителя Николая, город ничего не знал о своем высоком достоинстве, его сегодняшняя жизнь не нуждалась в этой стародавней истории. Он готов был принять своих дорогих туристов, накормить, развлечь их, и жизнь его этим, казалось, исчерпывалась... блуждания по улочкам не приносили никаких результатов. «To beach?» – затормозил рядом какой-то рафик. – «Yes!» А что оставалось делать: дорога шла к морю, а земля святого не открывала своих святынь.

Французы или немцы, сидящие в рафике, помахали билетами в окошко на заставе, и мы въехали в очередной античный город. Справа мелькнула арка городских бань или остаток каких-то врат, еще что-то величественное, ставшее нагромождением серых глыб, и вдруг всё куда-то исчезло – мы оказались в белых дю-

нах. «Твоя земля!» – мелькнуло в голове. Шелковый песок, дощатая, такая родная ноге дорожка... По легкому ветерку, по песчаным холмам, поросшим зеленым, а где-то высохшим, выбеленным ветром кустарником, и главное, по белому мельчайшему песку, легко гофрирующемуся ветром в равномерную зыбь, – по всему угадывалось в этом месте какое-то уж очень знакомое...

Вдруг дюны расступились и открыли, как и положено, длинный-длинный, теряющийся на горизонте клин белого пляжа, почти безлюдного. Ни тебе ларьков, ни зонтов, ни лежаков... нет, они, конечно же, были, но группировались как-то в одной точке, слева. Справа же была пустота: глаз метался, не находя преград, – море втекало в песок, смыкалось, сопрягалось с его рябью, которая затем уже сама подымалась и застывала округлыми дюнами. Знаю! знаю с детства! Сейчас побежим по дюне, и рябь эта своими ребрами будет обжигать ступни и растекаться под ногами... Бимлюк! Да это же наш Бимлюк! Час ходьбы от Анапского пляжа! Не знаю, правда, в какую сторону... Папа, закатав свои белые брюки, всегда шел первым и босиком, мама то снимала босоножки, то надевала. На Бимлюк ходили, как в пустыню, там, говорят, песок нагревался настолько, что яйцо можно было испечь. Но у нас этого никогда не получалось, хотя наступать на песок всегда было боязно. «Терпи! Прогреешь пятки – не будешь осенью болеть».

А еще на Бимлюке морская вода была как-то особенно горька, или уж очень много заставляли полоскать, пострадавшие от моих ангин. Бимлюк – это и орехи, которые кололи на камне, собирая скорлупки в пакет, чтобы песок не засорять, и арбуз, который папа резал своим хитро скрадывающимся нержавеющей самодельным ножом. Красными кругами он ложился на чистенькую салфетку, затем превращался в красный полукруг и, наконец, в четвертушку, в которую впитаться зубами можно было в самый сахарный ее кончик, в вершину пирамиды.

Бимлюк – это невидимая ограда детства. Но здесь, в Твоем море, на Твоем берегу – как оказался мой Бимлюк? Милость, пишет Исаак Сири́н, многие несовершенства и немощи покрывает. Милует Твоя земля, отче Николае! Милует, даровав встречу с детством, лицом к лицу... Море долго катит легкие курчавые волны по мели. Есть и еще песчаные воспоминания. Балтика. Приморье. Но ветерок там другой остроты и юркости...

Твоя земля... Святой рождается не только Духом, но и своей землей, у нее нужда в Нем. Он – возможность ее освящения. Не только Бог, но и земля славится во святых своих. Славится и воспринимает их образ. Ступая по ряби песчаной дюны, взбираешься на морскую волну, отвердевшую силой невиданной веры. За чередой дюн – песчаное, изредка с камнями, плато...

Русское ухо слышит в слове «пассажир» – «жир». Это как-то путает смысл, ведь «ир» – только суффикс, корень-то «пассаж» – движение, тогда пассажир – «движущийся»... Куда? Кто – куда! Автобусы подходят один за другим, и громкоговоритель приглашает то в Симферополь, то в Майкоп, даже в Воронеж и Севастополь. Да куда душе угодно можно укатить, став пассажиром; срastись на время в одну автобусную семью, объединяясь увиденным.

Батюшка-матушка, дочь. Хорошо прожить жизнь вместе и стать в конце одному глухим и добрым, другому, другой – царственно спокойной, или она такой только кажется?.. Дочка же – злая, смиренно-злая. Если б так сильно не хотела быть смиренной, может быть, не была бы такой злой. Клетчатое клешеное девическое платье пошито старомодно кокетливо, чтобы скрыть явно огорчающую раннюю полноту ног и бедер. Волосы заплетены хитро, маленькими прядками вокруг головы, и цветочек сбоку, как полагается. Вяжет что-то розовое, и опять не из интереса, а из послушания, из благоприличия, которое ей правит. Хитер враг и коварен,

и некому дернуть ее ниточку, спустить петельку, зацепить прялочку и вообще спросить: «Хочешь мороженого?»

– **Правее**, еще правее. Теперь чуть-чуть ниже левый угол. Вот так, вроде. Давай теперь я подержу, а ты посмотришь.

– Опять косо! Всё поднялось вправо вверх. Опускай!

– Ну, что теперь? Еще, дядюшка Поджер? А что, наверное, при каждом повешении картины его вспоминают... Вот тебе и бессмертие!

А впрочем... не все вспоминают дядюшку Поджера, когда вешают картину. Не вспоминают те, кто не читал Джерома. Для них этого вовсе как будто и нет. Представляешь, живут рядом люди, для одних есть одно, для других – другое. Просто разные реальности, разные пространства, миры...

День в окне догорал. Москва умеет подарить вам в сентябре несколько шелковых дней. Всё ладится, небо золотое, загар не сошел, все еще не начали кусаться, а только переглядываются, арбузы дешевеют, не так, правда, как раньше, но всё-таки.

Теперь придумали именно в эти дни устраивать День города. Не без оснований. Но только всё равно это уже – умирающий Вавилон. Что-то изменилось в самом главном, в «формуле крови» города...

Какой-то глухой удар в стену, соседи, что ли, возмущаются, стучат, или в окно чем-то кинули?

Во дворе седой круглоголовый шофер гонял мячик с ребятами. И что-то они переглянулись загадочно, слишком вежливо поздоровались, когда выглянула, – небось, в раму угодили. Этот азербайджанец очень даже симпатичный. Коротышка лет шестидесяти, не меньше, но бодрый, беззлобный, или так кажется... Он, в общем-то, только шофер, водит старенькую «Ниву», иногда грузит коробки с цветами, иногда возит людей с букетами. У них там еще другой есть, повыше, но тоже с человеческим лицом, тоже с большой круглой головой, лысоватый. Он помоложе и погляды-

вайт по-другому, поглаживает, пощупывает будто. А вот главный их препротивнейший гоголек. Ходит пузом вперед, вальяжничают, плечами качает, молодой, до сорока, подлый, и проверять не надо, всё на лице написано.

С раннего утра, часов с шести таскают из подвала коробки с цветами, грузят на машины, которые подходят чередом одна за другой. Продавщицы всё проверяют, и – хлоп дверью, уехала. Вечером, часов в одиннадцать, прибудет назад. Опять хлоп, вышла, вытащили коробку, хлоп, закрыли багажник, спускается в подвал с нераспроданными цветами. Хлоп, с шофером расплатилась, он сел и уехал до утра или будет другой. Следующая машина, хлоп, вытащили коробки, хлоп, газует, пошла. Теткам нашим заработок.

Вот что Москва потеряла – честь. Ведь у торговца, у него сплошь интерес. И правда этому интересу никакой конкуренции не составляет.

В Рождественскую ночь с перевала Ауатхара шли две дороги: одна в Осетию, другая в Абхазию. Третий год уже не стреляли, а хижины пастухов стояли пустые. Мосты смыты. Из одной... вроде дымок? Выходит откуда-то сбоку из-под крыши, или облачко? Поди пойми на фоне снега, не тронутого ни звериным следом, ни птичьим пометом. Нет, дым. Нет, человек.

В этих краях незнакомых давно сторонятся. А что делать? Двинул к хижине. Следы замело, давно, видно, никто не выходил. Стукнул: «Мир дому...» – сам не понял, что сказал, забыл и слова, и голос свой. Толкнул дверь, не заперта – очутился в живой темноте и теплоте. Теперь он знал, его видят. Кто?

Вот он, улыбающийся черноликий старик пастух, лицо-солнце, ежик седых волос переходит в щетку седой бороды. «Мир, мир...» – но в глаза не смотрит. Разломил хлеб, протянул чашку чачи. Костер тлел прямо посреди хижины. Сначала молча сидели. Потом было пошли слова, но тяжело. Снег на крыше метра

три, хочешь, завалит. Глянул, лопата в углу, взял, полез счищать. По тому, как ступал, куда кидал, видно было: свой – но за своих ли? В этой войне все смешались, как будем жить? Старик не благодарил, но уже мог смотреть на гостя, нет, на пришедшего.

Лежанка была одна. Никто не хотел показывать своего оружия. Так и легли спинами друг к другу, положив пятерни на оттопыренные железные карманы. Кто спал? Не известно. Утро настало. Хозяин поднялся первым, разжег костер, бросил в котелок кусок льда с окна. Вода зашипела, пить не стали. Молча поклонились друг другу, гость вышел. Следы его вели вниз к озеру, через перевал. Оттуда давно никто не приходил, там уже должны были рождаться дети, и сожженные дома обрастали красным плющом, по которому всегда так ловко бегали маленькие ящерицы.

Христос рождается, славите!

«При эвакуации соблюдайте спокойствие и порядок. Граждане, в здании объявлена гражданская тревога. При эвакуации соблюдайте спокойствие и порядок...» Склиф – это лабиринт, особенно с каталки. Мы никогда не рассматриваем так потолок. С каталки всё по-другому. Ты всё видишь, слышишь, но присутствующие от тебя как бы в другом пространстве. Каталка оторвала тебя от всех и создала свою сферу. К тебе подходят, и твое пространство наполняется, отходят – пустеет. Лежащие же рядом на своих каталках к тебе вовсе не имеют отношения. «При эвакуации соблюдайте спокойствие и порядок...» – «А почему вы не эвакуируетесь?» – «А вы еще чему-то верите?» В черном, почти концертном костюме прошел, пошатываясь, чей-то пьяный телохранитель с пробитой головой, открытая рана кровит, пачкая воротничок и костюм. «Неужели они не могут отключить эту чертову сигнализацию! Два часа будет теперь долбить!» – «Из приемного в отделение не попасть... кто-то опять закурил в лифте...»

Капельница по коридору звенит совсем не так, как столик буфетчицы, где не унесенные в «цветмет» ложки вибрируют на алюминиевой же, всегда плохо прикрученной к стойке, столешнице. Позванивают и классические казенные плошки с дырочками в ручках для вновь поступивших по «скорой». А уж когда раздается звонкое: «Голодающие, обед, щи, каша гречневая, напиток», – тогда действительно непонятно, как можно было тревожное подрагивание капельницы, влекомой резиново-костяной ручкой спешащей на защиту жизни сестры спутать с утробной перекличкой мирной столовой утвари.

А еще по коридору катаются кровати, одни в перевязочную, другие в операционную; а есть высокие – лежа-щиты, они возвращают благополучно прошедших через руки хирургов и реаниматоров в палату...

Как же люди хотят жить! Жить во что бы то ни стало! Двигать руками, ногами, иметь прямые спины и крепкие мышцы живота.

«Жить, жить!» – кажется, кричит каждая больничная койка. Инсульт же неумолим – он делает ваше тело мягкой колодой, руки плетью, ноги бесполезными ржавыми рычагами непонятного назначения. Жизнь не ушла еще из этого биологического разлада: жеваная, замедленная речь, как может, свидетельствует об этом. Но что это за жизнь!

Вот сильная, длинноногая сорокадевятилетняя женщина, говорят, монтажница, не смотрит, а видит, сознание ясно, и вдруг начинает звать дочерей гулять по саду, всё едет, едет куда-то... Встала, говорят, на второй день после операции, пошел отек мозга, записали в смертники – а она живет, не погуляла как следует по саду, и всё-то ей пахнет то вишней, то яблоней...

Врач дерзает спускаться в этот нейрохаос, пытается установить пусть не такой блестящий, как раньше, но хоть какой-то порядок. Иногда это удается: возникает что-то похожее на диалог – но ненадолго. И Лазарь воскрес не в жизнь вечную, и больной воскресает

после операции лишь в болезнь, пусть более легкой формы, но болезнь. Она держит его как свою добычу, с которой можно поиграть, дать ей побегать, не выпущая из поля зрения.

Но вот уж кому достается больше всех, так это детям больных! Редко кто ухаживает за своим из сострадания, пытаюсь облегчить его положение, чаще приходят из долга. А долг, он как спринтер, на нем далеко не убежишь. Милость милует, не слыша себя, долг же – бухгалтер, или даже кассир, он не может не считать. Вот к бабушке прибежала внучка. «Бабусяй! Бабусяй!» Шелковые темные волосы льются с гладкой, как яйцо, головы. Очки не дают увидеть глаз. Бабусяй посажен, почищен, умыт, покормлен, опять положен.

Маме же всё это не так легко дается. Ешь! Ешь! Держи, держи! Надо, надо! Она отрывает от своей жизни время, силы. И даже если эта самая «ее жизнь» ее саму совсем не устраивает, то всё-таки это ее жизнь – чужую же жить трудно.

Сегодня всё, кажется, призывает нас к защите себя, к охране... прав потребителя. «Подумайте о себе! – кричит на весь коридор крашенная под Мэрилин Монро хохлушка-санитарка. – Мне не платят, чтобы возиться с чужим д...м, да и вам это зачем?!»

Лежит длинноногая монтажница полуголая, срыгает с себя высвобожденной из бинтов рукой мокрые простыни, бритая голова по-мальчишечьи красива, как у блудного сына Рембрандта. И с чужими, и со своими трудно; любовь, которая делает службу раем, – редка.

Вот мать на банкетке у ног два дня назад прооперированной дочери. Она счастлива: все дренажи работают, сестры, врачи заходят, девушка уже начинает капризничать – значит, оживает.

На всём этом фоне больной с нетяжелым сотрясением мозга просто симулянт! Как, впрочем, и писатель, который чиркает в своем блокноте что-то там про вас, а за окном уже темно, день отгорел, всех откормили, откололи, отперевязывали, и, если мороз

и вправду ударит, как обещали, глядишь, и по домам будут сидеть, новую черепно-мозговую не привезут, а плановых в воскресенье не кладут...

Пенсионный фонд – гуманистическое отделение душевной больницы широкого профиля. Зал полон глуховатых стариков, подрагивающих лицом старух, состарившихся дам, молодящихся пожилых людей, бодрых дедков, трудяг без возраста и... молодых девчонок в окошках, которые каждая в цвете своей молодости по-своему хороша, жива и не раздражительна.

Особенно весело стало на них смотреть, когда возникла пауза: все клиенты сидели в зале, ожидая вызова, компьютер завис, техник вызван, а листочек, которого так ждали, никак не вылезал из принтера – воспользовавшись этим, девы сгрудились в живую действительно клумбу и стали заплетать одну красиво лохматую магдалину, волнистые русо-рыжеватые волосы которой действительно ниспадали как у Тициана. Вот закололи одну прядь, освежив светом прозрачное оливковое ушко, – носик стал чуть острее; вот другую – висок вернул нас в эпоху классицизма... Какие еще времена нас ожидают?

Но неожиданно вся эта скульптурная клумба перегруппировалась, как-то перекадилась живой волной и открыла полоски чьих-то оголенных плеч. О, это был умный рекламный ход! Черная футболка, имевшая нефункционально большую дырку на плече, была обычным жёванным бельем, и пышный вязаный бордовый, какой-то темно-вишневый шарф, стягивающий эти беспризорные плечи, совершал прямо у вас на глазах таинство объятий и давал взгляду пережить сразу три пространства-времени: спортзал, прихожую и спальню.

Два хвостика-кулачка, перевязанных пухлыми резиночками, которые замечались только усилием воли, не имели в себе ничего школьного. И всё это богатое имение вдруг двинулось на нас. Прошло мимо загоревшихся глаз маленького добренького охранника. Оказалось, что джинсы, которые всё-таки были, обтягивают довольно

пышный корабль, оставляя футболке возможность прыгать над ватерлинией удачи и дразнить, смущать, приводить в негодование, вызывать усмешку...

Ах, ах, эта продуманная рекламная акция пропала зазря здесь, среди подслеповатых старческих глаз. Да и была ли ярмарка? Мода нынешняя заставляет играть роль, которая, может быть, и не нравится самой владелице фазенды, вовсе и не желанна ей, а как быть, не отставать же от времени!..

Внука одной из громко говорящих дам, наркомана, пришлось выкупать из милиции за 1000 – представьте! – долларов. За компьютером вновь появился люминесцентный свитерок, брючки в охристую клетку-полоску прошли туда-сюда, народ начал рассасываться – время к обеду.

Гигант тугарин в зеленой фетровой феске пружинно загородил путь шелковым волосикам. Нет-нет, ему нужна только какая-то справочка, а времени – в обрез. Ох, и не нравится он коротышке охраннику, который всю свою доброту вдруг как-то разом растерял и позванивает ключиками – а вот закрою дверь и поклонись мне... Вошли последние красные лаковые сапожки... прямо с царской ножки...

*И, судя по тому, что мысль о долге
Пришла мне сразу,
как сознание прояснилось,
Сегодня день изгнания торгующих из храма.*

28 февр. 2005

Вознесение – преодоление земного тяготения, и вообще всякого тяготения внутри человека, всех его страстей, всех центростремительных тяг.

Эгоизм – тяга к себе. Новый, воскресший человек не будет иметь этой тяги. Прейдёт закон природы, и внешней, и внутренней: падут цепи, рассекутся пути, развяжутся узлы инстинктов, страстей – тело узнает себя в свободе, и душа сможет жить в нем, царствуя, правя.

Но не только тело освободится, чувства, чувства станут другими: не центростремительными, а центробежными – и будут расти навстречу друг другу... Любовь?

Когда-то Вселенная начала «разлетаться» («большой взрыв»), человек же стал «воронкой», втягивающей в себя всё, поглощающей живое, «посядающей». Душа-собственница учила сердце присваивать, а не благо-дарить – и затрещала по швам Вселенная, стало разрывать ее изнутри.

В Вознесении тело подвижно духом. Новым сердцем срастется земля в Рай.

Память царя Давида 9 января 2005 года. Елоховский Собор

Литература – притча. Спаситель говорил не только открытым текстом, но для всех, и не речами, а притчами. Притча – образ, она запоминается и живет внутри человека, вспоминаясь, когда ему нужно. Она – правда на нейтральной территории, не бьет по самолюбию, но обличает и восхваляет исподволь.

Появление литературы – духовное явление, акт художественной педагогики Творца-Художника (см. Ин. 9, 6). Открытое наставление, нотация из уст святого подвижника могут быть лично приняты лишь немногими, следующими тем же путем. Литература же – брение, не кристалл, она обращается ко всем, к миру. Лишь бы остаться ей свободной от узды человеческой воли! Не огонь чувств мешает, он – горячее, но человеческая правда морозит, каменит реку искусства, мешая правде Божией свить гнездо в ее прибрежных камышах.

Янв. 2005

Умер Юрий Кузнецов. Это был первый поэт, в котором не было ничего советского. Лира его была сродни колесной. Он почему-то не чувствовал себя «мобилизованным и призванным» – свобода его была почти неприличной.

Многие хотели заполучить в свой батальон этого медведя-мистика, хотя он никогда не мог сказать, что

он хочет сказать. Заставить его говорить внятно не удалось даже времени. Он вообще не говорил тем человеческим языком, каким говорят люди.

Главная сила его была в том, что его не волновала та жизнь, которую он вроде бы жил, которая была у него за окном, на пороге, влетала, вбегала, просачивалась сквозь щели в полу... то есть волновала, но настолько, чтобы видеть жизнь другую, скрытую от глаз, от умов – жизнь «земли обетованной, земли духа». В каком-то смысле он – антипастернак: не лирическое «Я», а «НЕ Я» – было его центром.

Он показал нам средневековое, долирическое сознание: эпос – это не только деяние времени и многих сердец, это – сердце... НЕ обращенное к себе. Образ здесь выходит навстречу вещи, явлению, а не нашему чувству. Читатель же оказывается в какой-то новой, неведомой для него реальности, где встречаются синайские и китайские стены и сплетаются песни Псалтири и березового хоровода.

Кузнецов рассказал нам о русском духе не словом, а видениями, которые в этой, незримой для большинства реальности, – явь. Его правда – это правда русского, карамазовского, крестового времени.

Нельзя сказать, что он пел. Это были не песни, а складушки русской блаженной сивиллы, скоморошествовавшей в мужской рубахе. Не под дудочку Офелии, не под костяной бубен Бабы Яги, а под вздохи самой земли – шли роды слова.

Он не перешел рокового для поэзии рубежа, не стал учительствовать, отречься, сжигать «неправильное» – но остался в рамках доверия к дару, который Господь вручил ему. Не потому ли явление этого голоса стало явлением библейской поэзии в России и явлением самой... библейской России, которая еще не обнаружила себя вполне, но уже свершилась в слове.

Дек. 2004

Критики

На стихи Л. А.

... Почему человек пишет? Некоторые говорят, не могу не писать, высказываю свои мысли, изливаю чувства. Это форма стихотворного дневника – она не обсуждается, так как является частью личной жизни человека.

Но есть другие отношения со словом, есть ЛЮБОВЬ К СЛОВУ, радость угнездиться в его владениях – слушать, как дышит жизнь, ловить ее попевки, пощелкивания, а то разливы, взмахи... Самое главное здесь – не навязывать своих мыслей языку, а наоборот, слушать его. У Мартина Хайдеггера в работе «Путь к языку» читаем: мера говорения есть слушание.

А именно слушание для многих пишущих является камнем преткновения. Стремясь высказаться, они торопятся закрепить вдруг вынырнувшее словосочетание и часто ломают язык, навязывают ему случайные образы, устанавливают неживые связи. Торопливость – первый грех против СЛОВА. Ведь по сути, что надо делать, если вдруг услышишь строчку, звук, слово? Ждать. Замереть и ждать. Не «соваться» со своим продолжением, не подверстывать мысли и чувства, а ждать, куда потечет этот, вдруг вынырнувший из таинственных, не знаемых еще недр жизни ручеек.

Любое живое стихотворение начинается не с мысли, а со звука, с услышанного ритма. Кто не слышит первой строчки (она в процессе письма может оказаться и последней) – тот не поэт, во всяком случае, не работник на поэтической ниве. Но для тех, кто слышит первую строчку, вся задача и весь труд жизни и заключается в том, чтобы научить себя слышать вторую и отличать слово человеческое от слова поэзии.

К сожалению, часто при чтении стихотворных сборников вдруг родившееся в нас ожидание чуда не

оправдывается, ничего не свершается – происходит как бы «соскальзывание» с поэтического языка в насильственное рифмование, а то и в языковую, стилистическую ошибку. В таких случаях хочется просто оторвать живую строчку от последующих, чтобы не возникало ощущения вывиха речи, разрыва живой языковой ткани. Ведь этот разрыв переживается мучительно, почти физически: вспомним уничтожающий эпитет Левитана – «тошнотворно розовый»...

Но верим ли мы своему первому ощущению, прислушиваемся ли к внутреннему чувству? Многими, многими доводами его можно заглушить; тогда – беда: попустительство убьет слух, уведет с путей правды, которая не всегда сладкозвучна, но всегда точна, как укол в сердце.

...Наверное, у нас нет задачи – писать; есть задача – жить. Пишется не потому, что хочу, а потому что – молчу. Вот и рифма прорвалась случайно. Она всегда должна быть случайной, незаметной: не ломать, не крушить, но... стлать путь.

В прозе, в жизни, смотришь, говорит человек нормально, просто, а начнет читать стихи – вся речь исковеркана, так и хочется сказать: «Шура, не говори красиво!»

Но писать просто – чудо мастерства. Стремиться же к этому надо независимо от величины дарования. Может быть, и одно стихотворение за жизнь напишется – да живое! И хорошо!

Вот так я понимаю любовь к слову.

Заветы Достоевского*

Наша сегодняшняя встреча соединяет две памятные юбилейные даты – 180 лет со дня рождения и 120 лет со дня смерти Достоевского: октябрь и январь по старому стилю, ноябрь и февраль – по новому.

Во всём мире принято отмечать дни рождения великих людей: героев, ученых, которые оставили нам плоды своих трудов, научные открытия, произведения искусства, новые формы государственного устройства. Память о рождении великого человека вселяет в нас радость и гордость за нашу землю; это рождение – умножение богатства мира.

Когда же мы вспоминаем кончину, наши собрания невольно приобретают скорбный оттенок. Великий человек покинул нас, оставил земное поприще, и осиротел мир: в сердцах наших – чувство утраты, сожаления. Как же мы построим наш разговор, что поставим в центр?

Россия – наследница Святой Руси, и хотелось бы напомнить, что на Святой Руси не праздновали, не отмечали дней рождения. В крещении человек принимал имя святого и связывал свое появление на свет с днем его памяти. Иногда это приводило к некоторым казусам: в семьях было по два Ивана, две Татьяны. Рождение человека оказывалось скрытым от мира, как и Рождение Христа.

Напомним, что в первые века нашей эры праздника Рождества Христова, который мы будем скоро праздновать, не было; во всём христианском мире отмечался праздник Крещения Господня – то есть выход Христа на служение людям, начало Его открытой проповеди. О Рождестве вспоминали в Крещение. А слово «крещение», как всем известно, в русском языке имеет еще и значение испытания, проверки: боевое крещение.

---

* Речь на торжественном вечере памяти Ф. М. Достоевского

Но вся наша жизнь с ее трудами, борьбой, любовью и страданием – не есть ли боевое крещение? Как мы его выстоим, выдержим, с чем, с каким багажом подойдем к последнему своему дню? Вот что волновало ум и душу человека Святой Руси.

День кончины, успения – день итога: с чем пришла душа к этому, правильной сказать, не роковому, но родовому дню. С каким родом соединимся – с родом святых или канем в бездну небытия? Вот почему именно день кончины является днем памяти святых: не только потому, что он часто известен, но и потому, что подводится черта под человеческими деяниями. Для святого день успения – рождение в жизнь вечную. Наше чествование святого – не просто воспоминание о нем, но признание праведности его трудов, следование его заветам, внимание к его пророчествам.

Всё это впрямую относится к Достоевскому. Ибо он был и есть для нас человек Святой Руси – драгоценнейший плод земли нашей и нашего духа.

В своей речи о Пушкине за семь месяцев до смерти Достоевский называет поэта «чрезвычайным и пророческим явлением русского духа». Многие слова из этой речи в полной мере могут быть отнесены и к самому Достоевскому. Говорит ли он о том, что Пушкин «слышит народную правду» и выводит «бесспорные типы, которые стоят как осязанные», обнаруживает ли «всемирную отзывчивость», «всечеловечность» Пушкина, свидетельствует ли о том, что Пушкин унес с собой некоторую великую тайну, – все эти слова о самом Достоевском.

Пытаясь сформулировать завет, который оставил нашей культуре Пушкин, Достоевский подытоживает и свою жизнь, и свои литературные, а точнее, духовные труды. Наша задача не только в том, чтобы прочесть этот завет, но чтобы усвоить его, вобрать в свой опыт; вбирать – и тем ширить океан культуры, полнить духовное предание.

Может быть, именно в этом смысл нашей встречи: не просто поделиться мнениями и высказать но-

вые концепции и взгляды на творчество великого писателя и мыслителя, но соотнести весь его образ с нашей сегодняшней жизнью, с внутренней драмой личности, с духовными проблемами общества. Ибо главный завет Достоевского – призыв к уважению каждого человека с его живой, мучимой страстями душой, к признанию ценности, значимости его личного пути, трудов, его страданий.

Достоевский – религиозный писатель и мыслитель. А слово «религия» переводится как «восстановление связи»: «ре-лига» – восстановление единства.

Какого? Высшего, духовного – единства Бога и человека, какое было завещано Адаму, владычествующему над миром, и утрачено им, и вновь обретено человечеством во Христе. Все живые образы искусства, все слова идут теперь за Богом Слова.

Русская культура, всегда имевшая религиозное основание, сейчас заново осмысляет себя и возвращается к древним заветам, черпая в них новую силу. Сегодня мы только ещё учимся вере – вере, открытости и новой свободе.

Все непросто на этом пути. Кто как не Достоевский показал нам тупики и тайники нашей человеческой свободы! Протоиерей Георгий Флоровский замечательно писал об этом: «Свобода – это самая интимная тема у Достоевского. Он не только показывает трагическое столкновение и скрещивание свобод и своеволий, когда свобода оказывается насилием и тиранией для других. Он показывает и самое страшное – саморазрушение свободы. Упорство в своем само-определении и само-утверждении отрывает человека от предания и от среды – и тем самым его обессиливает»^{*}.

Как это сейчас актуально для нас! Для России... Для всего мира... Стремясь к единению, мы должны еще научиться истинной свободе, только она откроет

---

^{*} Прот. Георгий Флоровский. Пути Русского богословия. Париж: YMCA-PRESS. 1981. С. 296.

путь к духовному единству, единству в многообразии, и сможет противостоять обезличиванию человека.

Культура творится людьми и для людей. Культура национальна и духовна одновременно. Любое произведение рождается в лоне культурной традиции какого-то народа, – но великие произведения становятся достоянием всего человечества. Произведения Достоевского, как показало время, не просто всемирно известны – они стали явлениями мировой культуры, то есть оказались духовно нужны, значимы для разных народов.

Как тут не вспомнить фильм всемирно известного японского режиссера Акиры Куросавы «Идиот». Казалось бы, совсем другая культура, другой язык! Но душа художника с такой правдой откликнулась на слово Достоевского, что родилась не экранизация романа, а новое произведение высокой культуры, акт духовного творчества – со-творчества.

Так всех деятелей культуры Достоевский призывает к со-творчеству: к духовному мышлению в искусстве, к личностной свободе, к неотступному стремлению к высшей правде. Именно высшей. Так как истинная культура – всегда устремлена ввысь.

Но важно ли это для нас, для нашего времени, когда наступление массовой культуры, культуры сниженных «идеалов», имеет всеобщий размах и носит характер стихийного бедствия? Многие деятели культуры, науки и искусства свидетельствуют, что сегодня перерождается не только культура, но и человек культуры.

Достоевский как бы отвечает на наши немые вопросы: не массовое – но народное является крепостью, не в индивидуалистическом – но в личностном подлинный образ, не частное – но всеобщее, всеохватное значимо на пути к истине.

Вот его заветы. Это вехи, которые должны помочь нам на путях созидания культуры как духовной общественной среды, как сада сердца.

Да не зарастет он в наших руках терниями и волчцами!

7 дек. 2001, апр. 2005

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В качестве иллюстраций использованы литографии немецкого художника Эрнста Барлаха (1870–1938).

Призвание (Berufung)	5
На Луне 3. Лунные чары (An den Mond 3. Mondzauber)	26
На Луне 4. Утешение (An den Mond 4. Mondestrost)	32
Надежда и отчаяние II. Переживание (Hoffnung und Verzweiflung II . Erleben)	41
Госпожа Забота (Frau Sorge)	44
Новый день (Der neue Tag)	51
Панический ужас (Panisher Schrecken)	61
Блаженны милостливые (Selig sind die Barmherzigen)	76
Для кого время – вечность (Wem Zeit wie Ewigkeit)	81

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Преступная любовь, или Грустная повесть о Тристане и Изольде	4
(Балаганчик, площадной театр, может быть, кукольный)	
Чечора. Уличные песни	50
К высоточкам моим, к петровским шпилям	52
Если комете вздумается пройти по улице нашей	53
Найдены в сумке перчатки	54
Земля – женщина	55
От стаи родимой отбилась – и унесло	56
Храни Художество! Не отдавай в полон	57
Бедра и ноги – ее валюта	58
Обрадим, друже, веру	59
Вот сочельничек нагрянул	60
Севастополь. Северная	62
Всё высохло. Степь	63
На темы Гейне	64
Одноног и прокурен	65
Эпитимья размером в жизнь	66
Идет безумец – сам себе любовь!.. ..	67
Случилась у моря, простите за правду, с небом любовь	68
Прилетали три райские птицы	69
Врастаем в землю как деревья	70
Педагогика – это свекровь	72
Что случилось со словами?	73
Бушует сосед, пивачкой белой укушен	74
Прежде, чем отвечать прохожему	77
Папа светлеет	78
Пока один молитвенник стоит	79
Иже... еже... яже... ..	80
Странички из дневника	82
Критики	96
На стихи Л. А.	96
Заветы Достоевского	98

Литературно-художественное издание

Сулова Людмила Васильевна

...Так горяча...

Балаганчик
новые стихи

В оформлении обложки использована
литография Эрнста Барлаха (1870–1938) –
Легенда I. Водяные шары (Legende I. Die Wasserkugeln)

Редактор-корректор М. Перминов
Дизайн и верстка В. Брызгалова

Ждём ваших отзывов по адресу:
lv-surova@mail.ru

Подписано в печать 11. 05. 2005. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура AGForeigner.
Усл. печ. л. 3,25. Тираж 300 экз. Заказ

ISBN 5-7071-0325-2

Академия поэзии,
издательство Московский писатель
Типография Россельхозакадемии